

УДК 130.2
ББК Ю 0/7.87 411.71

А.А. ОНОСОВ

БЛАГАЯ ВЕСТЬ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕГО ДЕЛА

Представлены результаты социально-философского и культурологического анализа идейного наследия отечественного космиста «второго поколения» — Валериана Николаевича Муравьева (1885—1930), автора оригинальных как для своего времени, так и в рамках нынешнего мировоззрения, представлений, которые постепенно входят в научный оборот, становятся достоянием российской и мировой интеллектуальной среды. Раскрывается содержание и глобально-культурное значение главных интенций мыслителя: его наметок ипостасийной логики и антропологической математики, образов соборно-ипостасийного социального *единого*, идеи цикличности бытия *сущего* и ряда других. Рассматривается подход Муравьева к вопросу совершенствования человека, прослеживаются основные треки культурно-эволюционного восхождения биологического вида *homo sapiens*. Предпринимается попытка целостного осмысления и теоретической систематизации творчества Муравьева в контексте современной системы миропредставления, при этом обнаруживается единая логика и внутренняя сопряженность его космистских взглядов и идей. Аргументируется вывод, что прозрения Муравьева оказываются в тренде исторически достоверного научно-технологического движения человечества, они полностью согласуются с тенденциями развития информационных технологий.

Ключевые слова: эволюция человека, информационные технологии, культурная антропология, антропологическая математика, ипостасийная логика, соборность, ипостась, мультиверс, эсхатология.

Велика тайна грядущего преобразования человека. Он поймет, что он не часть вселенной, но целостная ее ипостась. Он весь мир и вместе с тем личное проявление или особый облик этого мира. Свойствами его являются в одинаковой мере вселенскость и личность.

В.Н. Муравьев

КОНТЕКСТ

В последние десятилетия удивительное своеобразие творческой мысли Валериана Николаевича Муравьева (1885—1930) стало достоянием российской и мировой интеллектуальной среды. Залежи напряженного дискурса этого трагически прерванного автора постепенно, в растущей полноте и многообразии, проявляются, как бы проступая еще нечеткими контурами из глубин заблоченного временем небытия, его идеи заслуженно обретают свой корпус и научную суверенность.

В многопрофильном идейном наследии Муравьева есть неожиданные даже для научно искушенного современника логически негладкие, поворотные идеи, которые, будучи восприняты в их смысловой взаимосвязанности, открывают синтетически целостную, поистине панкосмическую, панораму становления и бытия сущего.

Эти размышления и догадки, будучи «ненормированными» для своего времени и парадоксальными даже в лоне русского космизма, продолжают оставаться неканоническими, идейно «зазубренными» и сегодня. Они требуют осмысления в контексте тех знаний, которые стали доступны уже после формулирования этих мыслей. А это без малого, за вычетом всего одного десятилетия, — век! Век взрывного научно-технического развития. Эти идеи и их необходимые макроследствия для судеб мира по-прежнему требуют теоретического усвоения, комплексного восприятия «по огибающей» в контексте расширенной картины мира, с позиций современной системы миропредставления.

К числу наиболее сильных и, очевидно, напряженно продумываемых Муравьевым идей можно отнести наметки *ипостасийной логики*, стремление определить и отграничить ее понятийный и операционный органон¹. Это и попытка подойти к воскрешению через номер, *число*, являющееся, по мысли Муравьева, математической сверткой личности в «анастатической формуле». В этот же «тематический формуляр» можно включить и теоретически обновленное представление о *едином*, опирающееся на воззрения древних философов (прежде всего, Парменида Элейского и Платона). Наконец, это и чрезвычайная идея, восходящая к Гераклиту Эфесскому, которая совершенно независимо и на других логических основаниях была выдвинута и Циолковским — о *цикличности бытия сущего*, о сознательном запуске единой разумной инстанцией мультиверса в действие второго закона термодинамики, — преднамеренном открытии шлюзов всеобщей энтропии, эсхатологически поглощающей мир текущий, замыкающей контур бытия и возвращающей время в начало начал. И, конечно, это прометеанское предвосхищение — задача *овладения временем и времятворчества!*

¹ Примечательный факт: чуть ранее Муравьева его современник, русский философ и ученый Николай Александрович Васильев (1880—1940) выполнил новаторскую разработку *воображаемой логики*, которая предвосхищала развитие современной неклассической, неаристотелевой логики (многозначные, парепротиворечивые, многомерные и иные неклассические логики). Ипостасийная логика Муравьева в ее обозначенных фрагментах отчасти повторяет некоторые профильные линии формально представленной воображаемой логики Васильева.

И еще целый ряд других, не менее оригинальных идей Муравьева.

Прошедшие десятилетия интенсивного научного познания по-разному оценили и распорядились эвристикой таких идей, теоретически реализовав в той или иной мере или отвергнув их мировоззренческий и смысло-преобразовательный потенциал. Так, в ходе последующего развития математической мысли замысел неклассической, ипостасийной логики, которую Муравьеву не удалось постулировать и описать строго формально в математических терминах, был отчасти воплощен в виде различных теоретических классов *многозначных* и *бесконечнозначных логик* (вероятностная логика, индуктивная логика, нечеткая логика²).

И все же, насколько эти смелые, словно, действительно, другой логикой — логикой иной реальности — пропитанные прозрения Муравьева оказались в тренде исторически достоверного научно-технологического движения человечества, насколько они компланарны с вектором глобального эволюционного процесса?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо мысленно совместить несколько временных точек в истории цивилизации: день почти вековой давности (научно-информационный и мировоззренчески-ценностный контекст творчества Муравьева), день нынешний с его стенобитным, сокрушающим наличное бытие мажорным технократизмом, а также некий «день невечерний», отстоящий от сегодня в будущее на расстояние, пропорциональное дельте между эмпирически данной и проективно мыслимой, культурно-эволюционной сущностью человека. Ибо русский космизм, в рамках которого интеллектуально ответственно и, безусловно, плодотворно работал Муравьев, требует глубокого и ясного прогностического горизонта исторических событий (мессианско-апокалиптических актов, по выражению Муравьева), высокой и дальнобойной футуристики.

Подход Муравьева к вопросу совершенствования человека

Вопрос совершенствования человека Муравьев ставит и решает как необходимость целостного — духовного и физического — обновления природы биологического вида *homo sapiens*, превращения последнего «в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо» [1, с. 137—138]. Специальной техникой и особым искусством преобразования антропологии служит *антропургия*, а ее ближайшим культурно-эволюционным результатом — новая биологическая культура — *homo creator*³, как трансфизиологическая, геологически преходящая, форма организованности разумной жизни на планете.

² Нечеткая логика — раздел математики, являющийся обобщением *классической логики* и *теории множеств*, базирующийся на понятии *нечеткого множества*, впервые введенного Лотфи Заде в 1965 году. Известно, что *теория множеств* немецкого математика Георга Кантора стала одним из краеугольных камней творчества Муравьева.

³ Homo creator (лат.) — человек творящий.

При этом, в ходе управляемой «переработки человеком самого человека» открываются и создаются более сложные контуры эволюции: «совершенствуя человека, мы не только выполняем непосредственную задачу, поставленную таким изменением, но вместе с тем мы создаем такое увеличение человеческой мощи, которое дает нам могущественное орудие для новых преобразований» [1, с. 167]. В кибернетике подобный взрывной эффект классифицируется как *положительная обратная связь*.

Основные уровни и грани совершенства претворенной антропологии, в представлении Муравьева, вполне традиционны для идейного массива русского космизма: это достижение бессмертия, реализация «полноорганичности» человеческого существа, воскрешение умерших, наконец, апотеозис нового человека, его воссоединение в со-Творчестве и в со-бытии с Богом.

На лестнице совершенства человеку, прежде всего, надлежит переутвердить себя в качестве бессмертного существа, «сделать себя неуязвимым для смерти» [1, с. 171]. Поэтому ближайшей задачей антропотехники должно стать обогащающее природу человека удержание и восстановление жизни. «Это будет настоящая и полная победа над смертью, и естественно, что тогда сама антропотехника будет иметь рядом с собою анастатику, искусство воскрешать утраченную жизнь» [1, с. 138]. Главная гуманистическая и эволюционная целеуказующая стрела в деле воскрешения у Муравьева направлена не только и не столько на *восстановление* утерянного в прежней эмпирической определенности, потенции и статусе, сколько на его *преображение* в ходе воскрешения, его благопреемствование в очертаниях новой телесности. Таким образом, анастатика есть не только техника *воскрешения* и даже поддержания практического *бессмертия*, но и практика активного *эволюционирования* человека. Воскрешение выступает в качестве универсального метода антропотехнологии. В конечном счете, через воскрешение, каскадом направленных преемствований, обретается новый статус человека как существа восстановленного к пакибытию — бессмертного, возрастающего в полноте обладания и проявления высоких творческих энергий и потенций.

В дальнейшем раскручивании спирали активной эволюции и исторической ургистики homo creator вырабатывает геологически новый культурный тип сознания, создает творческое культурное естество человека и реальность сверхбиологического, духовного порядка, поднимаясь в надпространственные орбиты приближения к идеалу божественности. «Мы должны стремиться к такому преобразению нашего существа и всего нашего мира, которое вывело бы нас из настоящего нашего мрака и несовершенства и осуществило бы наш союз с самим Богом. Это идеал *обожения...*» [2, с. 495].

Такова в смелом воображении космиста Муравьева траектория движения человека к новому небу. В ходе культурно-эволюционного делания homo sapiens предстоит преодолеть природную заданность ветхого человека, биосферно-усеченного в своем психофизическом есте-

стве, и через претворение его эмпирической исходности выйти в чин духоносной сущности. И тогда сама земля преобразится, просветлится, опрозрачнеет и возвысится до неба. Земля и небо сольются воедино, станут одним поприщем для проявления творческой энергии, духоносности соборной мировой жизнемысли. Это иная среда, иной мир, иная материя, можно сказать, иная ткань бытия.

Теоретически сегодня можно обозначить несколько восходящих потоков, эволюционно возвышающих человека до состояния бессмертного, полноорганичного существа. В отдаленной перспективе, очевидно, эти потоки сольются, смешав свои струи и создав общий ток высокого преобразования.

а) Технологическая струя: проектирование *киберантропной сущности*, включая конструирование «альтернативной соматичности» человека. Это уже развиваемая технология создания искусственных органов, «функциональных модулей» и самого тела человека, кибернетизации homo sapiens за счет монтажа «умных» механизмов-органовидов, а в перспективе — слотов для «карт расширения» конфигурации аппарата центральной нервной системы разумного существа. Такой киберэволюционный канал ведет человека к полноорганичности и, в конечном счете, повышает его онтологический статус. В отдаленной точке трансгуманистического кибермедицинского инжиниринга можно угадывать технологию переноса и развертывания психики и самой личности индивида на технически обусловленных модулях-носителях жизненности человека, а затем и непосредственно на физическом субстрате атомных ансамблей жизнемысли.

б) Биологическая струя: более трудоемкий, сложный и медленный процесс собственно *биологического совершенствования* ветхого человека как особого вида живого вещества — культурно-эволюционное продвижение и превышение эмпирической психофизической и физиологической основы жизни индивида, заключающееся в обретении им биологических свойств полноорганичности, в органическом прорастании человека в модифицированную сущность. Постепенное превозмогание органической данности человеческого существа предполагает, в частности, становление *третьей сигнальной системы*, которая не может быть подменена даже самой густой и насыщенной информационной инфраструктурой в виде реальной сети Интернет (стремящейся стать действительно *эфирной* сетью, то есть буквально оправдать лежащую в ее основе технологию *Ethernet*), гипотетических Астронет или Космонет, хотя и в этом случае неизбежны кибернетические «вставки» в биологическую природу homo sapiens.

в) Физическая струя, в конечном счете, универсальная: конвергенция и суперпозиция техногенного и биогенного рукавов развития homo sapiens — *развертывание жизнемысли на «элементарной» основе* — переход к «фотонной», по сути, бессубстанциальной форме разумной жизни, превращение последней в «единый вид лучистой энергии», как предполагал Циолковский, или, в более ранних представлениях, в *огонь* Гераклита — живой, наделенный сознанием и провиденциальный Разум

вселенной, осуществляющий высшую юрисдикцию над сущим. Это инвариантная, абсолютно устойчивая и самодержавная форма жизнемысли, которая как «единая идея заполняет все космическое пространство» [3, с. 424].

Тема высокотехнологичного homo creator'a притягивала внимание Муравьева. В настоящее время киберэволюционный трек homo sapiens интенсивно формируется в рамках ряда вполне конкретных технопроектов, постепенно приобретающих строгие очертания и глобально-антропологический масштаб. Перспектива генерирования киберантропной сущности нового человека последовательно уточняется в технических заданиях и программах научно-исследовательских работ, прописывается в мировоззренческих канонах планетарного человечества. И вместе с этим становится все более очевидной растущая соадекватность предвидения Муравьева, касающегося техногенного конфигурирования человека и высоких (кибермедицинских, биокибернетических) технологий; в наши дни замысел из прошлого постепенно оснащается необходимым научно-технологическим инструментарием из будущего, а технология обретает целезадание и глубокий горизонт применимости.

Переход к новому антропному качеству продуман Муравьевым в контексте «мессианского акта» науки и выражен в образах самого дерзкого творчества, в составе «апокалиптического акта» технологии, как «производство людей при помощи средств науки и искусства» [1, с. 174]. Постепенно прорисовывающийся тренд в области трансгуманистического кибермедицинского инжиниринга наполняет буквальным смыслом эту идею Муравьева. «Неосомненно, что фантастический образ человека, у которого вместо глаз вставлены электроскопы, позволяющие ему видеть электрическую природу предметов, является предварением такого будущего творчества. Целью последнего должно быть превращение этих машин в нечто новое, сохраняющее от машины ее подчинение разуму, от органа — его природу живой сущности. Тело человеческое должно производиться им как вещь и вместе с тем должно оставаться живым» [1, с. 157].

Представления о методах антропотехники и анестатики

Представления о методах антропотехники и анестатики получают дальнейший идейный разгон в антропологической математике Муравьева, которая, с одной стороны, представляет собой вариант стихийно-математического прочтения генетики, а с другой — какое-то невероятное предчувствие тех, еще культурно непромеренных и мировоззренчески неокрепших, технологических потоков, которые, словно вулканические породы, мощно вышли на поверхность био- и ноосферы, существенно видоизменив за несколько последних десятилетий цивилизационный ландшафт.

Осмысляя и пытаясь формализовать технологию патрофикации, изложенную Н.Ф. Федоровым (собираение, идентификация и сортировка квантов когда-то бывшего

и распавшегося тела, осуществляемые в рамках «космотеллурической науки и искусства», и последующее решение «вопроса физиологического и гистологического» — «сшивание» тканей, компоновка полного ансамбля частиц в новый психофизический объем, отвечающий воскрешаемой личности), Муравьев приходит к следующему выводу: «каждый индивид есть известная комбинация элементов мира, каковая комбинация может быть выражена определенной формулой. Это как бы возвращает нас к древнему учению пифагорейцев о том, что сущность вещей в числах, что вещи суть числа. Новейшая наука, поскольку в ней всё больше и больше устанавливается господство физико-математических методов, всё ближе и ближе подходит к этой точке зрения, в особенности в новейшей физической химии» [1, с. 99—100].

В терминах подобной натур-нумерологии индивид — это уникальное число, некоторый интегральный индекс личности, формируемый, накапливаемый в ходе ее жизни⁴. Зная это характеристическое число — *собственное значение индивида*⁵, — которое как математическая абстракция идеально и инвариантно, можно по определенной формуле восстановить исходный объект, отвечающий этому оригинальному числу, сводной психофизической записи. Индивидуальность шифруется персональным идентификационным номером — «ПИН-кодом»: «все дело во внутренней формуле вещи, в ее пифагорейском числе» [1, с. 101]. Поэтому, для того, чтобы быть воскрешенным, индивид предварительно должен быть «вычислен», то есть должно быть рассчитано «число личности», выведена ее формула. С учетом безусловной психической доминанты человека такое сакральное, имяславное число или формула, очевидно, должно отражать, прежде всего, духовную, *психическую* сторону личности, тогда как в отношении *физической* конституции оно заключает общие структурные принципы — организмы в пределах вида homo sapiens однородны. Кроме того, в восхождении по ступеням *преображающего* воскрешения точное воспроизведение организма не является необходимым, поскольку человеку предстоит обрести более устойчивую, в пределе — абсолютную, жизненную форму.

Таким образом, информационный подход к проблеме воскрешения ставит ее в другую плоскость, в которой древнее учение о числах-сущностях наслаивается на современный научный аппарат извлечения знаний и компьютерные технологии. Это означает, что в какой-то момент технологической зрелости цивилизации анестатическое уравнение «человек = число» позволит выполнять операционализацию и формализацию задачи воскреше-

⁴ Аналогичное представление развивал Н.А. Умов: человек есть «не более, как номер» [4, с. 55]. В.Н. Муравьев, возможно, был знаком с этой мыслью Умова, идеями которого он интересовался и воспринимал их как звучные своим взглядам.

⁵ Понятия *собственного значения* (числа) и *собственного вектора* являются одними из ключевых в линейной алгебре, на их основе строится множество теоретико-логических конструкций. Они являются характеристиками оператора преобразования и определяют конкретные вычислительные процедуры.

ния методами антропологической математики и логики с использованием вычислительной мощи компьютеров.

Но какие отношения связывают реальный объект во всей неподдельной и текучей многосложности его сущности с современными компьютерными технологиями? Как может отслуживший свою культурную службу пифагореизм, возврат к непродуктивной мистике нумерологии в сочетании с научно невыработанными представлениями Муравьева о «цифровой генетике» и его незавершенными попытками постулировать новую логику, претендовать на глубину осмысления Проекта Общего дела, на высокотехнологичный подход к реализации его капитальных конструкций? Минувший век безнадежно износил многие прежние парадигмы. И тем не менее, современная практика и методы решения задач научного познания, компьютерные технологии, возможности цифрового оборота информации самого разного вида и форм позволяют улавливать отзвуки будущих высоких технологий в оригинальных представлениях Муравьева. Именно в технологической среде новейшего времени, в заряде информационных технологий эти несвоевременные представления постепенно начинают обретать адекватный вид, сбрасывать истлевшие покровы прежней терминологии и обнажать свое универсальное содержание. Время раскрытия их эвристического потенциала еще впереди.

Действительно, выработка и верификация предметно-научных представлений, углубление научной картины мира в целом во многом сопряжены с оперированием большими объемами «сырых», нередко неструктурированных, эмпирических данных, их последующей разноразмерной и разветвленной обработкой изощренными математическими методами с использованием технических вычислительных мощностей и, в самом общем случае, — с построением компьютерных аналитических и статистических, вероятностных моделей, способных служить эмпирическими обоснованиями генерируемых знаний.

Это особенно заметно в наиболее сложных (и важных для формирования валидных теорий) естественных, точных науках, оперирующих физически измеряемыми величинами. Но и в науки гуманитарного, социального цикла эта технология добычи знаний проникает все глубже, становясь в их методологии эффективным инструментарием. По сути, сегодня можно говорить, что само познание становится разновидностью компьютерной технологии, аккумулирующей описания нано-, микро- и макроявлений в гигантских базах данных и организующей многоконтурные циклы и потоки обработки этих данных.

Таким образом, численное моделирование, возможное благодаря стремительно идущей формализации знаний и навыков, методологии распознавания и анализа образов различной природы (включая нечеткие, размытые образы и множества), алгоритмизации правил вероятностных выводов и заключений, становится общезначимым и доминирующим методом научного углубления и уточнения знаний.

В таком подходе и «число», и «формула» обретают логически корректное и современное обобщение. *Число* Му-

равьева есть многосложное, структурированное *цифровое представление*⁶ некоторой сущности. Другими словами, это комплекс эмпирических данных и их связей в статическом и/или динамическом состоянии, полно и адекватно описывающий явление, то есть некоторое расширенное до многомерного случая число — *цифровой кортеж*. Корректным эквивалентом *формулы* является численная модель этого явления, основанная на фактическом материале, на достоверной, качественной эмпирике, включающей описание функциональных связей и взаимодействий. В широком смысле можно говорить о *цифровой модели* некоторой сущности, которая есть сама эта сущность в цифровом представлении. Такое представление стремится к исчерпывающей полноте и достоверности, глубине и адекватности с любой наперед заданной точностью описания структурно-функционального проявления исходного объекта.

В этом свете *антропологическую математику* Муравьева, которую он настойчиво утверждал в качестве *всеобщей производительной математики*, следует воспринимать как организованную систему квалифицированного управления потоками мировой информации, как разветвленную вычислительную мощь обработки любых ее выборочных фрагментов и ансамблей, комплексов данных с требуемой точностью и в необходимом контексте. Данный подход связан с феноменом реальности, которая по ее субстанциальности может быть определена как *мезофизическая*⁷.

С погружением в среду цифровых технологий происходит информационный «намыв» тверди «среднего мира», культивирование новой реальности — мезофизической, или гиперреальности, которая связует явления материального и идеального миров, унифицируя представление-реализацию их единиц-объектов на информационном субстрате. Порождаемые логические объекты этой реальности интегрируют и потенциально отображают всю полноту свойств прообразов — предметов и идей, — отслаиваясь от них и абстрагируя их в виде универсальных сущностей, наделенных уже собственным функционалом — в виде математических моделей, открывающих многомерное вариативное пространство для всевозможных преобразований исходного объекта, придания ему новых, «сверхприродных» свойств, его опредмечивания и сверхэмпирической реализации.

⁶ Цифровое представление, цифровая модель объекта (текста, изображения, медиаобраза, физического предмета, реального процесса, явления) — информационное описание (информационный код) этого объекта в виде особым образом структурированного набора дискретных значений его характеристик (одной или нескольких) — массив данных определенного формата, пригодный для транспортировки во времени (хранения в электронном виде) и пространстве (передачи с помощью электронно-цифровых каналов и носителей) и обработки методами компьютерных технологий. Цифровая модель предназначена для декодирования и воспроизведения оригинального объекта в виртуальном виде и/или в виде реального объекта-реплики.

⁷ Мезофизическая реальность, мезофизика (от др.-греч. μέσος — «средний» и φύσις — «природа») — реальность на границе раздела материального и идеального миров; переходный, диффузионный слой проявления реальности.

При этом и сам человек неизбежно вовлечен в поток сквозной оцифровки, в генезис «материи» цифрового мира. Стремительно развивающаяся информационная инфраструктура, рост информационного качества общества открывают для человека беспримерные возможности актуального и свободного самовыражения и автопрезентации в символах информационной среды. Благодаря арсеналу средств разнообразной и непосредственной «публикации» личности происходит создание, наполнение и оборот цифрового образа этой личности в открытом коммуникативном пространстве. В результате информационной активности индивида, в ходе его многомерной медийной реализации создаются цифровые кластеры мезореальности, которые могут служить для определения цифрового эквивалента личности во всем многообразии ее проявлений. Это один из разделов «иконологического» описания личности, способствующий построению ее достоверной, голографически объемной цифровой модели, по необходимости дополняющий и уточняющий ее.

Помимо косвенных и не всегда достоверных методов извлечения сущностной информации о человеке быстро развиваются и все шире применяются (например, в медицине) более точные приемы и техники непосредственного сканирования психофизических структур и процессов отдельного человека. Их выявление, характеристика и анализ в контексте общих закономерностей создают необходимые предпосылки для корректной сборки полномерной информационной модели индивида. Так, можно предполагать появление специальной технологии 3D-сканирования мозга человека с помощью программно-аппаратных сканеров, позволяющих дифференцировать структуру мозга, «картографировать» конstellляции его нервных клеток и их взаимодействия, то есть получать структурно-функциональное описание полной сети головного мозга во всем объеме ее нейронных вершин и аксонных связей. Такая технология позволит разрабатывать валидную *функционально-топологическую модель мозга*.

Следующим шагом станет обнаружение и распознавание «информационных токов», электрохимических нейронных импульсов; определение и интерпретация информационного содержания нервной ткани, то есть по сути распознавание сознания — его содержания (мыслей, образов, идей, воспоминаний). С помощью специальных компьютерных программ многомерного анализа сложнейших нейронных сетей (здесь как раз и востребован инструментарий современной *нечеткой логики нейронных сетей*, некоторые фрагменты которой намечались Муравьевым в его ипостасийной логике!) станет возможным посторенение *семантической модели сознания*.

Наконец, в долгосрочной перспективе можно прогнозировать появление технологии целостного переноса полученного многомерного и многослойного образа сознания на новый носитель, структурно-содержательного воспроизведения психического объема-поля, отвечающего личности, на ином субстрате ее активного проявления.

Таким образом, очевидно, восходящий антропологический трек информационных технологий ведет к

возможности полного и аутентичного цифрового представления человека, его психической сущности. Методы антропологической математики позволят выполнить абстрагирование индивидуума до уровня математической модели-формулы, обеспечивающей при этом сугубо персонифицированное решение, и, в конце концов, осуществить переход от киберформы человека к его чисто мезофизическому воплощению.

Итак, применительно к человеку *digital invariant* есть «символ, или запись его индивидуальности, и это вполне заменяет душу. Ее неземность, вездесущность как раз в ее природе математической формулы, числа или имени» [1, с. 102]. Вопрос о том, как же выразить душу, психику индивида символом, «объемным» числом, определить «собственное значение» личности, которая, по определению Гераклита, есть «божество человека» [5, с. 243], — даже присноживой, — остается под сенью математической мистики. Для ушедшей же личности эта алхимия числа и вовсе сокрыта...

Однако стремительный переход общества в информационное состояние как будто обещает и в этом вопросе со временем изыскать строго технологичные пути для практической нумерологии. В рамках антропотехники цифровое представление открывает путь для *психической транскрипции личности*⁸ — ее переноса на универсальный субстрат жизнемысли, локализации креативного потенциала индивида в инвариантных, фактически бессубстанциальных формах его духовной активности. Это создает возможность практического обеспечения бессмертия человека, его жизнепроявления, уже не связанного с физиологическими, технологическими и физическими процессами. По сути, это есть вхождение в новый, «просвещенный» пифагореизм, в технократизированную мистику чисел — *киберпифагореизм*, приоткрывающий некоторые детали вероятного разрешения вопроса-предположения Муравьева о символическом аналоге души, о математическом выражении психики личности и переселении ее в новые жизненные формы.

Идея всеобщей производительной математики, возвестником которой был и остается Муравьев, в эпоху цифровых технологий получает оправдание и практическое подтверждение. Процесс «тотальной» оцифровки, причем не только текстовых документов, перевод в «информационное состояние» физических объектов набирает силу и становится универсальным. И это лишь предусловие более значимых и глубоких последующих преобразований (выполняемых как раз на основе собственных значений) по «формуле воскрешения» в системе «анастатических уравнений». Горизонт оперирования здесь поднимается и проясняется до высот «священнодействия — творчества нового человека». «Математическое таинство» выработки образа нового человека и самой фабрикации личности

⁸ Психическая транскрипция — перенос актуального психического объема-поля, отвечающего личности, на другой субстрат его дальнейшего проявления; развертывание, воспроизведение целостной цифровой модели личности на иной физической основе, на другом субстанциальном носителе.

с заданным спектром свойств свершается «путем осуществления проекта, построенного так, чтобы включить эти свойства» [1, с. 175], можно сказать, — в результате выполнения специальной компьютерной программы, осуществляющей обработку цифровой модели преобразуемой личности и решающей «уравнение состояния» психофизического объема-поля, отвечающего этой личности. И эта «искомая живая симфония, проект человека» [1, с. 175—176] и есть, в полном согласии с пифагорейской традицией мысли, *музыка сфер*, выражающая знание о музыкально-математическом устройстве космоса!

Высокой проникающей силы наблюдение Муравьева, что «успехи в области теории (множеств. — *A.O.*) сопровождаются такими же успехами в области прикладной математики» [1, с. 129], позволило ему не только верно уловить важнейшие направления развития математической мысли, но и скомплексировать их в виде целостного инструмента идеального описания и операционного исчисления реальности.

Образ нового человека в его важнейших проекциях, высвеченных мыслью Муравьева, фактически сводится к заданию постфизиологического антропного качества, достижению уровня сверхбиологической организованности человеческого существа, связанной с новыми принципами проявления и носительства жизненной мысли. «Быть может, в будущем будут изобретены новые составы, совершенно лишённые отрицательных сторон современной органической материи. Будут созданы новые тела, обладающие гораздо большей пластичностью, могуществом, прочностью, подвижностью. Они будут передвигаться с громадной скоростью без внешних приспособлений, будут питаться непосредственно светом и не будут подвержены действию законов тяготения в теперешней степени. Вместе с тем они будут мыслить и чувствовать, и ощущать, и действовать на расстоянии. В конце концов современное тело в виде определенного облика, принимаемого группировками электронов, будет вовсе устранено и останется электрическое тело в виде некоторого центра или очага электрических сил. Общение таких тел будет также с материальной точки зрения общением электронных зарядов» [1, с. 177].

Представление о заключительном акте антропоургии, в котором сходится длинная череда преобразований, которым преодолевается последняя органическая локализация земного разума и который приводит к окончательному и универсальному решению вопроса обретения абсолютной — неуничтожимой, полнофункциональной и вездесущей — формы жизненности человеческого существа, диктует антропологической математике поиск инвариантной формы существования жизненной мысли. Такой формы, которая, оставаясь независимой и непогрешимой, сущностно-самодержавной и субстанциально-самодостаточной, могла бы обеспечивать конкретные реализации разумной жизни, разнообразные виды ее актуализации. Это означает, что для объективации в мире разумная сущность должна обладать способностью «перевычисляться», пересчитываться в необходимую форму своего максимального жизнепроявления, отвечающую параметрам точно определенной

физической среды. Другими словами, оптимальная форма жизненной мысли всегда должна определяться «здесь и сейчас», с учетом объективных условий наличной среды ее воплощения, в конкретной пространственно-временной локализации, при этом сама разумная сущность от свойств области своего проявления не зависит. Такой концепт — объект и класс преобразований — соответствует математическому представлению о *тензоре* и позволяет осуществлять фактическую — виртуальную и реальную — полноорганность человеческого существа.

Выработка тензорного характера разумной сущности, отражаемого в виде *ноотензора*, замыкает одну из определяющих тенденций в эволюции человека, заключающуюся в *универсализации субстрата мысли* за счет обретения *фундаментального носителя* жизненной мысли. Фундаментального в том смысле, в каком в современных теоретических моделях признаются фундаментальными *физические постоянные*, входящие в уравнения, описывающие законы природы и свойства материи, *космологические константы* и достоверно наблюдаемые *взаимодействия*⁹.

Это, в совокупности, — та физическая основа, которая создает осязаемую ткань реальности универсума, системно обуславливает материальную определенность мира, его атомную структуру; она может задавать субстанциальные характеристики жизненной мысли во вселенной. Это приобретение принципиально устойчивой формы разумной жизни, ее реализация на тех первичных (или, наоборот, конечных, с точки зрения логики познания) основаниях, на том «прото-веществе», которое есть *апейрон*¹⁰ древних зачинателей философской мысли о сущем. Мысль, безусловно, сама являясь идеальным свойством жизни, получает космофизическое основание, материальное расширение на весь универсум, становится первоначалом и первоэлементом мироздания, то есть его истинной *квинтэссенцией*. Одновременно, перенос разума на атомную структуру космоса, по сути, означает буквальное и подлинное осознание материи самой себя, приход физической вселенной «в разум истины», то есть одухотворение мира. Для человека такая цепь событий культурной эволюции в возможной перспективе означает *отслоение его сознания от физиологического аппарата жизни и психической активности*.

В связи с этим в «квантовой антропологии» возникает ряд очень интересных вопросов (например, психофизическая множественность, *нелокальность личности* как проявление эффекта, аналогичного принципу неопределенности, сформулированному *Гейзенбергом*

⁹ В рамках современного знания принимается существование четырех *фундаментальных взаимодействий*: гравитационного, электромагнитного, сильного, слабого. Вместе с тем, допускается существование и других, научно пока не обнаруженных, типов фундаментальных взаимодействий, проявляющихся на разных уровнях организованности мира и в разных масштабах — от микроскопического до космического.

¹⁰ Апейрон (греч. *απειρον* — бесконечное, беспредельное) — понятие древнегреческой философии, введенное *Анаксимандром*, означающее неопределенное, беспредельное и бесконечное первоначало. Пифагорейцы называли апейроном беспредельное бесформенное начало, которое вместе с противоположным ему «пределом» является основой сущего.

для фотонов), решение которых потребует иных уровней организованности жизнемысли.

Список литературы

1. *Муравьев В.Н.* Сочинения: в 2 кн. — М., 2011. — Кн. 2. — 445 с. — (Из истории философско-этической мысли 1920—1930-х годов).
2. *Муравьев В.Н.* Сочинения: в 2 кн. — М., 2011. — Кн. 1. — 384 с.
3. *Чижевский А.Л.* Теория космических эр // *Циолковский К.Э.* Грезы о земле и небе: сборник. — Тула, 1986. — 264 с.
4. *Умов Н.А.* Собрание сочинений. — М., 1916. — Т. 3. Речи и статьи общего содержания.
5. *Фрагменты ранних греческих философов / подгот. А.В. Лебедев.* — Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М., 1989. — 576 с.

УДК 130.2
ББК 71.1

А.В. ШИПИЛОВ

EXTRA CONTRA INTRA

На примере и материале Античности показано, что культура архаичного (примитивного) общества сосредоточена на внешнем. В то время как культура развитого общества — на внутреннем, что находит свое выражение в широком спектре институтов и артефактов. Автор рассматривает проявления экстраинтенциональности и интраинтенциональности в религиозных представлениях и практиках, этическом комплексе, в особенностях репрезентации и восприятия себя и другого, в сфере права, эстетике, в искусствах и литературе. Проводится историческое сравнение (противопоставление) отдельных видов социально-культурной деятельности, художественных произведений и памятников, принадлежащих к типологически различным периодам архаики и зрелого общества в рамках античной культуры.

Ключевые слова: архаичное общество, развитое общество, Античность, культура, внешнее, внутреннее.

Трактую социальное развитие в духе спенсерианской традиции как движение от единого к целому (через дифференциацию / интеграцию), можно утверждать, что ранняя культура манифестирует единство, поздняя — целостность, свидетельством чего выступает интенциональность первой наружу и второй — вовнутрь. Используя Античность в качестве примера и материала, попробуем противопоставить *extra* и *intra*, дабы максимально выпукло обрисовать их различие.

По самому своему смыслу единое не имеет внутренней, поэтому вместо «в» у него есть только «из». Оно может лишь изливаться из себя наружу, выходить вовне, и этим стремлением вовнешниться / овнешниться, тягой к внешнему и внешности характеризуется. Античная архаика тотально экстраинтенциональна, ее мир разворачивается вовне — недаром первые карты помещают картографа в центр, из которого он фиксирует известные ему территории, как бы смотря сразу во все стороны. Гомер, Гесиод, Гекатей, Геродот, Гиппократ — все они мыслят именно так, развертывая пространство от себя вовне. По замечанию Агафемера, «древние изображали обитаемую [часть земли] круглою, посредине же, [по их мнению], лежит Эллада и посреди последней — Дельфы. Последнее — пуп земли» [1, с. 262]. (Точнее, «пупом земли»

считался находившийся в храме Аполлона Дельфийского священный камень-омфал.) Не столь важно, круг это, обрезанный его сегмент или прямоугольник; важно то, что ойкумена воображается-изображается посредством движения наружу, от центра к периферии.

Экстраинтенционализмом, (в)овнешненностью отличается не только мир людей, но и мир богов. Сами сакральные существа и сущности предстают совокупностью внешних атрибутов, но не внутренних состояний и предпочитают действие рефлексии. Не только какие-нибудь действительно архаические Лары, но и боги «Илиады» и даже герои эпоса вроде Геракла вполне внеэтичны, находятся *по ту сторону добра и зла*, поэтому поступки заменяют им переживания. Соответственно, и поклонение таким богам имеет магически-ритуальный, обрядово-формальный характер: архаическая религия не имеет внутреннего пространства так же, как и соответствующее ей религиозное сознание, где исповедание, в сущности, не нуждается в вере в ее позднейшем понимании, но требует неуклонного соблюдения установленных церемоний.

Только с учетом этого становится понятным, как скептик Пиррон мог быть верховным жрецом в Элиде, а авгур Цицерон — доказывать нелепость дивинации: в трактате «О природе богов» у него даже великий понтифик Гай